Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

«Живешь в таком климате»

МХАТ им. Чехова

Несколько недель в Америке, пока мхатовцы играли «Трех сестер», я вел ежедневник, в котором попутно оставлял и какие-то заметки для памяти. То, что Розанов назвал когда-то «опавшими листьями». Так вот несколько таких «опавших листьев».

«Три сестры» в Америке стали на полчаса лучше

4 февраля. Первый день в Бруклинской академии музыки. Ефремов и кое-кто из наших должны дать урок актерского мастерства для преподавателей театральных школ и университетов Нью-Йорка. Этих университетов и школ тут неслыханное количество. Не страна, а какой-то безразмерный драмкружок. Мы пришли заранее, длинный стол – президиум, а метрах в пятидесяти – три ряда стульев. Естественное желание немедленно сломать мизансцену, составить эти стулья в круг. Схватился за стул, потащил и тут же был остановлен резким возгласом: «Что вы делаете, тут же Юнион Билдинг (профсоюзный дом)». Опешил, переспросил, понял, что двигать стулья могут только члены профсоюза и я не имею права отнимать у них работу. Через десять минут пришла милая девушка в джинсах (профсоюзница) и стала двигать стулья. На вопрос, не могу ли ей помочь, милостиво разрешила.

Надо было тут в России счастливо разбежаться из всех этих юнионов, чтобы за океаном встретиться снова с нашим будущим. Профсоюз в американском театре – дело совершенно особое. Профессия рискованная, есть понятие «работающий актер», которого у наших еще нет. Это значит, что работаешь ты от случая к случаю, когда повезет. Но уж если ты получил работу, то тут все формализовано. Знаменитые американские профсоюзы. Не авиадиспетчеров, про которых весь мир знает, а актерские. Без «живити карт» (профсоюзного членства) хода нет. Есть театральные школы, которые в качестве диплома выдают профсоюзную карточку. Вид на жительство в искусстве. Есть профсоюзы актеров театральных и отдельно – кино и телевидения. Внутри есть еще профсоюзы итальянских актеров, еврейских актеров и т.д. Есть даже профсоюзы массовки – так называемых extra's. Здание – Union Building – подчинено профсоюзным правилам, порядок жизни и труда расписан с кафкианской тщательностью. Известно все наперед: сколько репетировать, когда сделать «кофе брейк» и т.д. Часто правила идут в полный разрез с искусством. Профсоюзник может выйти на сцену во время спектакля и, позвякивая мелочью в штанах, показать зрителю, что играют «овертайм», то есть сверхурочно.

6 февраля. Мхатовский овертайм. Смешно, как наши критики восприняли угрозу сокращения «Трех сестер». «Что ж мы, каким-то там профсоюзам в угоду будем сокращать шедевр на целых полчаса?» Сократили. Просто играли побыстрее и, мне кажется, к большей выгоде спектакля. Все тот же шедевр, но на полчаса лучше. С другим «овертаймом» оказалось сложнее. Наши изготовили поворотный круг, тот самый, на котором должен стоять и крутиться дом Прозоровых. Изделие доставили через океан, и оно поначалу крутилось. Потом какой-то профсоюзник (наши не имели права дотрагиваться) затянул опоясывающую ленту, да так сильно, что деформировал круг. Репетиции сорваны, спектакль под угрозой, идет выясняловка на привычном уровне: «Эти козлы ни черта не понимают. Я ему говорю, не затягивай, гад, а он тянет и тянет». Те «козлы» вместе с нашими не спали 50 часов, в пять утра нашли причину поломки, заменили «пивот» (сколько слов узнаешь в такие ночи), то есть вращающийся центр круга, и дом Прозоровых ожил. За «овертайм» американцы спросили 20 тысяч долларов. Наши работали за суточные.

8 февраля. Пару дней назад прошла премьера, теперь все ждут отклика «Нью-Йорк таймс». Даже наши актеры, которые потеряли интерес к отечественным зоилам, тоже любопытствуют. Рецензия в этой газете, как приговор. Чем-то напоминает статью в «Правде» в советские времена. Причина такого монополизма чисто экономическая. Люди привыкли иметь экспертов на случай любой покупки. Пойти в театр – серьезное дело, надо потратить 250 – 350 долларов, а то и больше (если считать, что жену или подружку надо еще потом отужинать, это тоже почти ритуально). Так исторически сложилось, что верят только этой газете. Отсюда проистекают замечательные постсоветские сюжеты. Вспомнил интервью одной нашей прекрасной актрисы и режиссера. Привела спектакль на Бродвей, она сильно разнервничалась, потому как ее предупредили, что, мол, ты чемоданы-то не распаковывай, пока рецензия в «Нью-Йорк таймс» не выйдет. И вот она выходит, эта рецензия, положительная. И все напряжение предыдущих лет, все обиды на тупоумную (то есть нашу) критику – все разрядилось в радостных и мучительных слезах. «Нью-Йорк таймс» ее признала. Это что-то совсем новое, небывалое в российском театре.

Сегодня утром, перед тем как пойти купить «Нью-Йорк таймс», вспомнил эту рождественскую историю, надо сказать, заразительную. Заставил себя не спешить, выпил кофе, а потом на углу купил газету. Все тот же дежурный рецензент Питер Маркс. Хвалит. Позвонил Ефремову, у того в голосе ни одной новой ноты. Что это, чувство достоинства, равнодушия или самообладания? Усталость, наверное. Ну, не ему же, с котором полвека пишут лучшие перья России, суетиться. Даже перед Марксом. Рецензия как рецензия. Уровень «Вечернего клуба».

Сегодня же пил кофе с Питером Марксом. Говорили о Чехове, почему его в России ставят. Улыбчивый, чуть восторженный человек. Хотел быть артистом, учился в Йеле, что-то не вышло, стал критиком. Уточнил русскую девочку, показал фотографию. Чудо какое-то, а не девочка. Очень горд, что за последний год стал специалистом сразу по двум русским театрам. Его рецензия – не основная, это легкая кавалерия, в конце недели газета выступит с обозрением (другого критика), и там надо дать что-то более существенное. Но это более существенное в нашем случае не сработает, поскольку мы уже будем в Москве, а Москва известно, ни слезам, ни «Нью-Йорк таймс» не верит.

9 февраля. Разговор с редко работающим актером Стивом. Понимает убожество профсоюзных законов, но взносы исправно платит. Даже в три профсоюза. Членские взносы – в зависимости от заработков. На вопрос, что с ними делать, с профсоюзами этими, меланхолически заметил: так это мы все в 20 – 30-е годы взяли у Советов. Мы вам подражали, вы нас научили бороться с хозяевами. Вы мечтали, чтобы кухарка управляла государством, а рабочие – искусством. Вот мы и переняли.

10 февраля. Актер и режиссер Давид Пресман, 87 лет, приехал в Америку с родителями-актерами в начале 20-х из Тифлиса. Видел «Иванова» с Качаловым в 1924 году, когда труппа Станиславского работала в Джолстон-театре в Нью-Йорке. Мы снимали его для фильма на углу 59-й улицы и Бродвея, там, где играли мхатовцы 75 лет назад. Театр тот в начале 60-х снесли. День морозный, ветер с океана колющий, кажется, въедается в кости. Пресман стоит без кепки, вспоминает, сколько стоила квартира в начале 20-х, сколько стоил обед в кафе. Он потом сам будет играть в этом театре. Когда Михоэлс был в Америке, Пресмана заняли переводить. Как-то вежливо, без нажима спрашивает то, что, конечно, хорошо знает: «Его убили, да?» Вопрос риторический. Как «выдь на Волгу, чей стон разлается».

11 февраля. Забыл описать нашу встречу в «Акторс студио». Знаменитое местечко. Маленький зал, где когда-то собирались великие актеры у Ли Страсберга. От Мэрилин Монро и Марлона Брандо до Аль Пачино. Идею возводят к Станиславскому, к его «методу» (так они называют нашу «систему»). На самом деле от Станиславского тут не метод, а этическая предпосылка, которую он утвердил своей «жизнью в искусстве». Актеру необходимо место, где он мог бы заниматься профессией, не думая о заработке. Это по-американски разработанная идея студийности. В конце концов и это место стало прибыльным. В «стране, делающей деньги» любая идея в конце концов должна приносить прибыль. И самую высокую прибыль дает именно некоммерческое дело, в том числе идея закрытых дверей, где профессионалы занимаются только собой. «Все на продажу» – это не девиз, а просто способ жить. Актеры – члены студии приходят пару раз в неделю «править ремесло», но при этой студии уже существует актерская аспирантура и передача постоянная на телеканале «Бравo».

После того как мхатовцы побыли в «Акторс студио» несколько часов, одна из пылких пожилых актрис пыталась целовать наши руки. Это она, так сказать, через нас Учителя благодарила. Обожествление Станиславского. Чем-то это напоминает наши 30 – 40-е годы. Канонизацией мы отвратили от основоположника несколько поколений, зато в Америке его образ – без всякого принуждения – сохранился в первозданной, иногда пугающей чистоте.

Артур Пенн, знаменитый кинорежиссер, создатель «Бонни и Клайда». Ныне президент «Акторс Студио».

Олег Ефремов и его американские коллеги

Учился год у Чехова в Лос-Анджелесе после войны. Пришел на интервью минуту в минуту, одетый по-американски: пиджак, галстук и кеды. На вопрос, что произошло с Америкой, когда мхатовцы тут играли в начале 20-х, дал неожиданный ответ: «Американский театр тогда подражал английскому. Господствовал стиль искусственного благородства, не имеющего отношения к твоей собственной жизни. Художественный театр открыл для нас простую вещь: оказывается, можно играть про себя, про свою жизнь, и это тоже может быть предметом театра». Так, как у Чехова. И потом, конечно, ансамбль. Полная противоположность системе «звезд».

В середине гастролей – еще одна встреча с членами студии. Беседа об актерском быте. Поражены, что в «Трех сестрах» застольный период длился чуть ли не сезон. «Что ж вы там обсуждали? У нас больше пяти недель спектакль не готовится». Постепенно нашли точки схода. Актерская ментальность. То, что Кама Гинкас любит называть «патологией актера». В каждой профессии есть своя патология, но в актерской она, так сказать, вопиет. Тут наши с американцами мгновенно сошлись.

Эстел Парсонс. Знаменита по фильмам, а в последние годы по какой-то невероятно популярной мыльной опере. На улицах люди, завидев ее, здороваются. Всегда водишь иностранного актера к знакомому российскому прообразу. Что-то вроде нашей Пельтцер. Взбалмошность, полная естественность, чувство юмора. В России не была, а наших представляет по фильмам и книгам. «Мы же пуритане, и это нас сильно отличает от вас». Она в своем детстве не помнит ни одного объятия матери или отца. «А вы, русские, все время обнимаетесь, трогаете друг друга. У пуритан если человек дотрагивается до другого, значит, у него есть сексуальные намерения». Ей кажется, что у наших – в силу большей открытости – генетическая способность к театру, причем театру страстному, откровенному. Как раз в дни гастролей Америка жила сюжетом домогательств хозяина Белого дома к стажерке Монике Левински. Пуритане пуританами, но, кроме презрения к политиканам, лезущим в интимную жизнь человека, ничего другого на эту тему не слышал. От театральных людей.

12 февраля. «Черный снег». Так весь англоязычный мир, с легкой руки переводчика Майкла Глени, именует булгаковский «Театральный роман». В те же дни, что МХАТ был в Нью-Йорке, молодая труппа на офф-Бродвее играла Булгакова. Актеры, говорят, работают за сто долларов в неделю. То есть чистой воды энтузиасты. По центру – стильный портрет Станиславского в воландовских тонах. Реальный же театральный деспот Иван Васильевич больше похож на «друга всех советских артистов». Полное сочувствие писателю Максудову. И его писательского рта во все стороны несутся («факи»), драматург в бешеном упоении театрального механизма, его чудовищной неспособностью понять истину. Соединить горечь, лирику и сарказм актеры не могут. На пятаке сцены катаются на велосипеде, режиссер в сталинской фуражке дрессирует абсолютно деградировавших, отпохших актеров, благоговеющих перед неведомым им «методом». После спектакля душевно поговорили, Владлен Давыдов всех запечатлел на память. Чудесные ребята, они думают, что занимаются «политическим театром». Булгаков для них не только русское явление, он бьет по сегодняшней театральной Америке, по ее чудовищным штампам и привычкам «делать театр». Пригласили их на «Трех сестер», но они не могут, играют каждый день. А играть им выпало счастье шесть недель подряд. Это бывает так редко.

14 февраля. Последний спектакль собрал рекордное число зрителей. Зал «Орега House» рассчитан на 2000 человек. Американцы и русские причудливо перемешались. Одни смеются с запозданием (перевод), другие реагируют немедленно. По густоте и быстроте реакций понимаешь, кто где сидит. Смеются не только в разное время, но и над разным. Американцы похожи на наших старшеклассников – реакции бурные и порой непредсказуемые. «Одним бароном больше, одним меньше» – хохот. Не спешите обвинять их. Так устроена тут жизнь, смех бывает защитной реакцией. Здесь ведь на ритуальный вопрос how are you никогда не отзовутся по-нашему. Плохи, мол, дела, с детьми замучился, с женой замучился. А у них всегда и только great, beautiful, excellent. А внутри этого самого great, может быть, отчаяние, но его надо скрыть, надо заговорить судьбу, надо ей противостоять. Потому им так трудно понимать тоскующих и все время говорящих о своей тоске чеховских людей. Три часа надо вживаться, вникать в бесконечное русское пространство, в этот вертящийся дом, погруженный в парк, то весенний, то зимний, то уныло и безнадежно осенний. Да и как это все перевести? «Живешь в таком климате, того и гляди снег пойдет, в тут еще эти разговоры».

P.S. *В следующем номере – разговор об Американском репертуарном театре, спектаклями которого в Москве открылся Международный чеховский фестиваль.*